

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Р. Ш. ДЖАРЫЛГАСИНОВА

КОГУРЁСЦЫ И ИХ РОЛЬ В СЛОЖЕНИИ КОРЕЙСКОЙ НАРОДНОСТИ

Когурёсцы — одна из древнейших этнических групп юго-восточной Маньчжурии и Кореи. Анализ письменных источников показывает, что уже в «Бамбуковых анналах» Чжоуской летописи встречается термин «ко»¹. Так древние китайцы называли одну из ветвей «восточных варваров» («дун-и»), которые в конце II тысячелетия до н. э. жили на северо-восток от китайцев. Краткость сообщения позволяет предположить, что в чжоускую эпоху вследствие недостаточности знаний о дун-и этот термин был собирательным и распространялся на большое число племен. Как название небольшой этнической группы, термин «когурёсцы» впервые встречается в одном из комментариев к тексту «Шуцзина»: «Все варвары Хэдон² принадлежат к курё, пуё, хан и мэк³. У-ван⁴ покорила Шан, и все дороги были открыты»⁵. Из этого сообщения следует, что к моменту установления династии Чжоу китайцы делили население Хэдона на четыре этнические группы — курё, пуё, хан и мэк. Однако датировка этой записи давно вызывала сомнение у корейских историков, которые указывали на более позднее ее происхождение⁶.

Сохранение когурёсцами в самоназвании термина, с глубокой древности служившего определением для населения указанной территории свидетельствует о наличии определенной исторической преемственности. Кроме того, упоминание «курё» в одном ряду с крупнейшими этническими группами Хэдона (пуё, мэк, хан) показывает, что уже на ранних этапах этнической истории корейцев когурёсцам отводилось важное место.

¹ «Цзинчунчжоушу» (Бамбуковые анналы Чжоуской летописи), цзюань 7, Шанхай, б/г., вып. 15, стр. 44.

² Хэдон — древнее название Кореи.

³ В древнекитайском языке (вэньяне) знаки пунктуации отсутствуют, что в значительной степени затрудняет расшифровку смыслового значения отдельных фраз. В приведенном выше отрывке мы, выделяя этнонимы хан и мэк, пользовались правилами пунктуации, принятыми корейскими историками. См. «Чосон са нёнпхё» (Хронологические таблицы истории Кореи), Пхеньян, 1957, стр. 4.

⁴ У-ван — основатель династии Чжоу.

⁵ «Шаншу», т. е. «Шуцзин» (Книга исторических преданий). В кн. «Хань вэнь дэ ся» (Большая серия китайской литературы), т. 12, Токио, 1926, цз. 11 (Чиновник Чжоу), стр. 7.

⁶ См. Хан Чхиюн, Хэдон ёкса. Косо канхэнь хве (История Кореи. Собрание древних источников по истории Кореи), Сеул, б/г, т. II, стр. 106.

В последующие века когурёсцы вместе с емэк (мэк) сыграли ведущую роль в создании древнего Чосона⁷. Об этом свидетельствует запись в «Ханьшу», сделанная под 108 г. до н. э. при сообщении о разгроме Чосона и учреждении на его территории китайских провинций: «Когда Вуди установил Хэнтхо (кит. чтение Сюантху.— Р. Д.) и Накнан (Лолан), все Чосон состояло из емэкских и курёских варваров»⁸.

Первое подробное описание когурёсцев мы встречаем в китайских летописях «Саньгочжи»⁹ и «Хоуханьшу»¹⁰. Согласно им, когурёсцы жили за тысячу ли на восток от Ляодуна, в верховьях р. Амнокан и на ее притоках. На юге они граничили с чосонскими емэк (вэймо), на востоке — с скчо (воцзюй), на севере — с пуё (фууй). Страна их, богатая высокими горами и глубокими ущельями, занимала в первых веках нашей эры 20 тыс. ли пространства. В ней проживало 30 тыс. семейств.

Основным занятием когурёсцев было земледелие¹¹, поэтому наличие плодородных земель было решающим условием при установлении «столиц» в той или иной местности первыми «ванами»¹² Когурё. Так, в легенде о Чумоне сообщается, что он стал строить свой дворец в красивой местности, где земля была тучной, а горы и реки неприступны¹³. В районе, где почвы были пригодны для пяти хлебных злаков (см. ниже), леса богаты оленями, воды — рыбами и съедобными черепахами. Горы и реки недоступны врагу, основал свою новую «столицу» «ван» Юри¹⁴. Однако в условиях лесного горного ландшафта, характерного для района расселения когурёсцев в первых веках нашей эры, земель, удобных для пахоты, было очень мало. «Плодородных земель так мало, — записано в «Саньгочжи», — что даже при усиленной обработке [они] не могут обеспечить достаточное пропитание»¹⁵.

Земледелием занимались в долинах рек и у подножья гор. Господствующей была подсечно-огневая система. Для выкорчевывания пней и вспашки пользовались лопатами, мотыгами, примитивными сохами и плугами. Урожай собирали вручную с помощью серпов. Зерна обдирали в ступах и с помощью крупорушек. По словам китайских и корейских летописцев, когурёсцы выращивали «пять злаков». Однако этим термином китайцы в разные периоды обозначали различные сочетания сельскохозяйственных культур. Иногда это были рис, просо, ячмень,

⁷ Чосон — крупное племенное или государственное (?) образование древней Кореи. Вопрос о точных границах и социально-экономическом строе Чосона относится к числу нерешенных проблем раннего периода истории Кореи.

⁸ Бань Гу, Ханьшу (История Ханьской династии), раздел «Географическое описание», цз. 8, ч. 2, Шанхай, 1930, стр. 28.

⁹ Чэнь Шоу, Саньгочжи (Описание трех государств) — история Китая периода троесарствия (Вэй, Шу, У). Составлена в конце III в. н. э.

¹⁰ Фань Е, Хоуханьшу (История поздней Ханьской династии). Сочинение написано в V в. н. э.

¹¹ Некоторые авторы недооценивали роль земледелия в жизни когурёсцев. См. W. E. Griffiths, Corea, The Hermit Nation, New York, 1889, стр. 23 «Описание Кореи», т. 1, СПб., 1900, стр. 4.

¹² Согласно древним корейским летописям, уже первые правители Когурё носят титулы «ванов». Однако анализ первоисточников позволяет прийти к выводу, что оформление государственности в Когурё произошло к III—IV вв. Поэтому титул «ван» в применении к первым легендарным правителям Когурё дается нами в кавычках. В сносках и при цитировании «Самкук саги» термин «ван» во всех случаях дается без кавычек.

¹³ Ким Бусик, Самкук саги (Исторические записи трех государств; в дальнейшем при цитировании корейского подлинника — СКСГ) — древнейшая из дошедших до нас летописей Кореи, написана в 1145 г., кн. 13, «Основание Когурё», ч. 1, Основатель — священный ван Тонмён (перевод летописей Когурё здесь и ниже наш).

¹⁴ СКСГ, кн. 13, «Основание Когурё», ч. 1, Ван Юри, 21-й год правления, весна, 3-й месяц; 22-й год, зима, 10-й месяц.

¹⁵ «Саньгочжи», цз. 30, раздел «Описание Когурё». Русский перевод М. Н. Пака, любезно предоставленный автору данной статьи. Рукопись, стр. 11.

пшеница, бобовые; иногда — два вида проса, ячмень, пшеница, бобовые иногда — рис, просо, гаолян, пшеница, бобовые. Кроме того, даже саи иероглиф «кок» мог обозначать либо просо, если речь шла о севере либо рис, если речь шла о юге.

Из перечисленных сельскохозяйственных культур в Когурё первое место занимало просо. Данные археологии показывают, что уже в неолитическое время население Корейского полуострова знало два вида этой культуры¹⁶. В «Саньгочжи» сообщается о поклонении когурёсцев «божеству земли и злаков», причем божество злаков выражено иероглифом «цзи», обозначающим один из видов проса¹⁷. В «Бэйши», «Суйшу» сообщается о том, что поставка проса была одним из основных видов податей, которые платили государству когурёские крестьяне¹⁸.

Помимо проса, когурёсцы выращивали пшеницу и ячмень. Созревший в 5-м месяце ячмень доставлял пищу народу до того времени, когда созревали просо и рис. В случае гибели всходов ячменя в стране наступал голод.

Археологические материалы свидетельствуют о том, что уже в неолитическое время население южной Кореи было знакомо с культурой риса. Об этом говорят находки зерен риса в раковинной куче Кымхэ около Пусана. К середине I тысячелетия до н. э. рис, наряду с другими злаками, играл ведущую роль в хозяйстве южнокорейских племен. Более того, свои навыки в земледелии и особенно в выращивании риса они передали населению Японских островов¹⁹. Нерешенным остается вопрос относительно северной границы выращивания риса и времени знакомства с этой культурой северокорейских племен.

Обратимся к данным письменных источников. В «Саньгочжи», в разделе, посвященном описанию Когурё, говорится, что «низшие дворы» («хахо») должны были поставлять «тэга» — знатым людям «рис, хлеб в зернах, рыбу, соль...» В тексте «зерна риса» выражены иероглифом «ми»²⁰. В разделе «Восточное Окчо» Чэнь Шоу пишет: «Земли в Окчо плодородные, расположены скатом от гор к морю. Произрастают все пять хлебов. Люди Окчо прекрасно знают земледелие». Далее автор сообщает, что, согласно похоронному обряду окчосцев, возле входной двери деревянного оссуария, в который складывали кости умершего и его деревянное изображение, располагали также глиняный треножник с рисом. Как и в первом случае, зерна риса обозначены иероглифом «ми»²¹. Употребление риса в качестве пищи для духов умерших свидетельствует о давнем знакомстве с этой культурой и о ее большой роли в жизни окчо — ближайших восточных соседей когурёсцев. Действительно, уже в неолитической стоянке в районе г. Начжина были обнаружены сосуды, приспособленные для варки риса на пару²². Изображения аналогичных сосудов встречаются и в живописи когурёских гробниц. В «Самкук саги» под четвертым годом правления вана Янвон (548 г.) сообщается о том, что правителю из района Хвандо поднесли

¹⁶ См. А. П. Окладников, Ким Ен Нам, Новые работы по каменному веку Кореи (обзор), «Сов. археология», 1958, № 4, стр. 234; То Ю Хо и Хван Ги Док Раскопки в Дитам-ли, «Сов. археология», 1959, № 4, стр. 228—230.

¹⁷ «Саньгочжи», Вэйшу, цз. 30, раздел «Описание Когурё», «Эршиси ши. Со ин бай на бэнь» (История 24-х династий. Воспроизводство ксилографических изданий) т. 4, Шанхай, 1958, стр. 409.

¹⁸ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950, стр. 60, 82.

¹⁹ С. А. Арутюнов, К оценке миграций в древней истории Японии, «Сов. этнография», 1959, № 1, стр. 64.

²⁰ «Саньгочжи», раздел «Описание Когурё», см. «История 24-х династий», т. 4, стр. 409.

²¹ Там же, стр. 412.

²² «Начин чходо вонси ючжок пальгуль погосо» (Отчет о раскопках первобытных стоянок на острове Чходо близ Начина), Пхеньян, 1956, табл. ХС, ХСІ.

лучший рис²³. Таким образом, мы имеем свидетельство о выращивании риса даже в верховьях Амнокана.

Очевидно, вначале когурёссы выращивали только суходольные сорта риса. Возможно, что они были также знакомы с приемами посева этой культуры в болотистых низинных местах. По мере продвижения когурёсцев к югу поливной рис стал занимать ведущее место в их хозяйстве²⁴.

В число «пяти хлебов» китайцы всегда включали бобовые культуры. Поэтому мы можем с полным основанием утверждать, что когурёссы, помимо перечисленных зерновых, выращивали и бобовые (сою, бобы, горох).

Письменные источники сохранили данные, свидетельствующие о разведении когурёсцами огородных культур. Выращиванием овощей занималось население, жившее по реке Пирыусу. В «Самкук саги» об этом рассказывается следующим образом: «[Однажды] Чумон увидел, что посередине реки Пирыусу плывут вниз листья овощей. Он понял, что вверх по течению живут люди»²⁵.

О возделывании когурёсцами различных видов огородных культур свидетельствует анализ имен некоторых легендарных деятелей раннего периода Когурё. Так, имя одного из друзей Чумона, с которым он бежал из Пуюё,— Он — не что иное, как древнее корейское слово, обозначающее «огурец», а основная часть имени пуюёского «вана» Хэбуру²⁶ — «буру» представляет собой название корейского салата. С глубокой древности когурёссы были знакомы с выращиванием конспли. Письменные источники сообщают также о выращивании ими тутового дерева.

Хозяйство когурёсцев было многоотраслевым; наряду с земледелием известную роль играло скотоводство. Из домашних животных у когурёсцев были лошади, овцы, быки, свиньи, собаки.

Изучение сообщений китайских летописцев о древних племенах северной Кореи и Маньчжурии наводит на мысль о том, что в формировании когурёсцев и других древнекорейских племен приняли участие этнические группы, связанные со скотоводческим Западом. Так, при втором вана Чжоуской династии Чэн Ване, под 1115 г. до н. э. относительно варваров северо-востока было записано: «Когда происходила встреча Чэн и Чжоу в беседке северной стороны..., восточные варвары копали овец»²⁷. Думается, что разведение овец было знакомо и когурёсцам первых веков н. э. Сообщение в «Таншу»²⁸ о ношении когурёсцами одежды из шерстяных тканей является одним из аргументов в пользу этого предположения²⁹.

²³ СКСГ, кн. 19, «Основание Когурё», ч. 7, Ван Янвон, 4-й год правления, зима, 9-й месяц.

²⁴ В Пэкче впервые стали выращивать рис на заливных полях с шестого года правления вана Тару (31 г. н. э.), см. СКСГ, кн. 23, «Основание Пэкче», ч. 1, Ван Тару, 6-й год правления, весна, 2-й месяц.

Под 144 г. в «Самкук саги» записан приказ силланского исагыма Гима о постройке дамб и плотин для расширения обрабатываемых полей (Русский перевод летописей Силла см. Ким Бусик, Самкук саги, Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарии М. Н. Пака, М., 1959, стр. 89). Согласно «Саньгочжи» поливной рис «дао» выращивали в Пёнчине («Саньгочжи», цз. 30, раздел «Описание Пёнчина»).

²⁵ СКСГ, кн. 13, «Основание Когурё», ч. 1, Основатель — священный ван Тонмён, 1-й год правления.

²⁶ Корейский лингвист Ли Бёндо считает «хэ» грамматической частицей при личных именах (Ким Бусик, Самкук саги, М., 1959, стр. 301).

²⁷ «Цзичжунчжоушу» (Бамбуковые анналы Чжоуской летописи), цз. 7, стр. 44.

²⁸ «Таншу», гл. 219. Русский перевод см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 99.

²⁹ В конце XVIII в. Отано Кигоро еще указывал на наличие в Корее особой породы овец с редкой и короткой шерстью (Отано Кигоро, Записки переводчика, перевод П. Дмитриевского, СПб., 1884, стр. 310). В последующее время корейцы совсем утратили навыки ухода за овцами. В конце XIX в. авторы «Описания Кореи» сообщали о том, что корейцы никогда не употребляли шерстяных тканей и не разводили овец («Описание Кореи», т. II, стр. 194).

Более распространенными домашними животными были лошади быки. В Пуё зарождающаяся аристократия даже носила имена или титулы, включавшие названия этих животных, например: мага (ма — лошадь), уга (у — бык) ³⁰.

В легенде об «основателе» Пуё Тонмёне сообщается, что он родился и вырос в северном государстве кочевников Кори (Гаоли). В ранних китайских летописях при написании иероглифов «гу» и «рё» в слове «когурё» слева ставился детерминатив «ма» — лошадь. Древние связи когурёсцев с кочевыми и полукочевыми народами западной Маньчжурии и Монголии нашли отражение в создании фантастического образа черно-желтой птицы с головой лошади, изображение которой обнаружено в когурёской гробнице «Небесного короля и земного духа» около Пхеньяна ³¹.

Древнекорейским племенам, очевидно, принадлежит заслуга выведения особой породы низкорослой лошади квахама (по-корейски) или госяма (по-китайски), приспособленной к жизни в горных условиях. Впервые описание этого вида мы встречаем в «Саньгочжи» в разделе посвященном племени «е». В «Бэйши» этот вид лошади упоминается как самый распространенный в Когурё: «Водятся лошади не более футов вышиною. Говорят, что на этих лошадях Чжумын (Чумон — Р. Д.) ездил» ³². В Когурё почти каждая семья имела лошадь и быка. По своей значимости в хозяйстве эти два вида животных приравнивались друг к другу. За кражу быка или лошади похитителя обращали в рабство ³³. Для коров и лошадей устраивали загоны без навесов, для свиней строили большие хлевы. Свинья и собака — наиболее древние домашние животные населения Корейского полуострова. Их кости в большом количестве встречаются почти во всех неолитических стоянках, открытых на территории Кореи. И в этом отношении когурёсцы продолжили традиции своих неолитических предков. Преемственность в хозяйстве от населения неолитических стоянок отразилась в сохранении у когурёсцев некоторых примитивных форм хозяйствования — рыболовства, охоты и собирательства, хотя эти занятия уже не играли такой решающей роли, как на более ранних этапах развития.

Так, охота у когурёсцев превратилась в развлечение знати. Об этом свидетельствуют многочисленные изображения сцен охоты в росписях украшавших гробницы когурёской аристократии, и частые сообщения в «Самкук саги» о многодневных охотах ванов. Неоднократные отлучки ванов вызывали недовольство приближенных. «Большой помощнику (тэбо) «вана» Юри, по имени Хёппу, говорил в назидание легкомысленному правителю: «Ван снова перенес столицу. Народ волнуется. Вы не думаете об этом, ездите на охоту и подолгу не возвращаетесь. Если Вы не измените своего поведения, я боюсь, что наступит смута: люди разбредутся и дела Ваших предков придут в упадок» ³⁴. То, что охота у когурёсцев уже не являлась средством существования, подтверждается сообщением о вынужденной охоте голодающих солдат «вана» Тэмусина во время его похода на Пуё как о редком и странном явлении ³⁵.

Охота и стрельба из лука длительное время сохраняли свое значе-

³⁰ «Саньгочжи», цз. 30, раздел «Описание Пуё», см. «История 24-х династий», т. 1, стр. 408.

³¹ «Фрески гробниц Когурё», Пхеньян, 1958.

³² «Бэйши», гл. 94. Русский перевод см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 58.

³³ «Таншу», гл. 219. Русский перевод см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. I, стр. 100.

³⁴ СКСГ, кн. 13, «Основание Когурё», ч. 1, Ван Юри, 22-й год правления, зим. 12-й месяц.

³⁵ СКСГ, кн. 14, «Основание Когурё», ч. 2, Ван Тэмусин, 5-й год правления, весн. 2-й месяц.

ние как средство подготовки отличных военных стрелков, как ритуальный акт, а позднее как вид народного развлечения. Раз в год в Когурё перед королевским дворцом собирались молодые люди, чтобы показать свое искусство в стрельбе из лука. Лучшие стрелки выявлялись и во время весенней и осенней облавной охоты, в которой принимал участие сам ван. Целью этой охоты было настрелять зверей и птиц — весной для моления о хорошем урожае, осенью — в благодарность за собранный урожай. Охотились главным образом на оленей, кабаргу, косуль, тигров и других животных.

Наряду с охотой в качестве подсобного промысла сохранялось в Когурё рыболовство. «Низшие дворы» (т. е. дворы бедняков) обязаны были вместе с зерном и солью поставлять знати рыбу. В «Самкук саги» содержатся сообщения о рыбной ловле, в которой принимал участие сам ван. Рыболовство особенно было развито на побережье Восточного моря, на древней территории расселения окчо. Жители этих районов занимались китобойным промыслом и доставляли ко двору когурёского вана свою ценную добычу. Побережье Восточного моря было также древнейшим центром добычи соли в Когурё, и это хозяйственное значение район сохранял на протяжении веков³⁶.

Значительного развития в Когурё достигли различного рода ремесла. Однако производимые ремесленниками вещи шли главным образом для нужд господствующего класса. Жанровые сцены живописи когурёских гробниц и сообщения летописей свидетельствуют о том, что ткачество, вышивание, производство утвари, ювелирных изделий, парадной одежды, изготовление паланкинов и колесниц достигли в Когурё высокого уровня. Большое место в хозяйстве занимали горнорудное дело, добыча золота и серебра. В письме когурёского вана Мунча китайскому императору указывались два основных центра добычи этих металлов: на севере, в Пуё, и на юге, на границе с Пэкче в местности Сомна³⁷. Ремесло в Когурё еще не полностью отделилось от сельского хозяйства. Это подтверждается сообщениями китайских летописей о сборе с крестьян податей как зерном, так и кусками холста³⁸.

Первые упоминания о когурёских городищах — предшественниках будущих городов мы встречаем в «Саньгочжи». Из сообщения этой летописи следует, что когурёсцы к концу II в. знали слово «куру», обозначающее понятие «город». Анализ этого слова дает возможность предполагать его этимологическую близость с ныне существующим корейским словом «кыру», означающим: «пень», «жнивье», а также используемым для обозначения числа деревьев. В лесных районах обитания когурёсцев в первых веках нашей эры город или большое поселение, обнесенное надолбами, представляли собой очищенную от деревьев территорию, окруженную полями.

Ранний когурёский город формировался в период, когда еще были сильны традиции родовой и семейной общины. Подобно тому, как ван считался ответственным за положение рода, общины, народа и был обязан помогать им в случае голода (его амбары считались общественным достоянием), так и ранний город первоначально был крепостью, за стенами которой находились склады с зерном. Эта особенность когурёского города, появившаяся в результате длительного сохранения традиций родовой общины, прослеживается и в более поздний период. В «Бэйши» о столице Когурё Пхеньяне записано следующее: «Сей город к востоку простирается до реки Пхэй-шуй (кор. чт. Пхэсу.— Р. Д.). В городе хранятся только хлеб в амбарах и вещи от неприятельских

³⁶ «Описание Кореи», т. II, стр. 155.

³⁷ СКСГ, кн. 19, «Основание Когурё», ч. 7, Ван Мунча, 13-й год правления, весна, 4-й месяц.

³⁸ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 58, 82.

набегов. Почему по захождении солнца строгий караул содержится? Первоначально когурёский город был хозяйственным, административным и религиозным центром сельских общин. По мере развития ремесла он становится местом сосредоточения ремесленников, а также торговым центром. Особенно много городов выросло вдоль торгового пути, связывавшего Когурё с Китаем. Многочисленные войны, которые когурёцы вели с Китаем, а также со своими северными и южными соседями способствовали созданию городов-крепостей, окруженных стенами.

Многообразие форм хозяйства когурёсцев нашло отражение в их материальной культуре. Наряду с полуземлянками и временными шалашами появились и стали преобладать наземные постройки. Когурёская полуземлянка, генетически связанная с жилищем неолитических племен Корейского полуострова — рыболовов и земледельцев, как правило, служила убежищем для бедняков.

Другой примитивной формой жилища когурёсцев, возникшей в условиях преобладания охоты у части предков древнекорейских племен, был шалаш. В легенде о Чумоне, по версии Ким Бусика, рассказывается, что когда Чумон достиг реки Чольбочхон и пожелал основать тут столицу, то до постройки дворцовых помещений он и его друзья жили в шалашах⁴⁰. Наиболее распространенной формой жилища в Когурё были наземные постройки. Строительными материалами служило дерево, камень, глина. Как и в Иньском Китае⁴¹, ведущую роль в конструкции когурёского дома играли опорные деревянные столбы, установленные на каменных базах. Иллюстрацией этого может служить отчасти легенда о «ване» Юри, сыне Чумона, в которой повествуется о том, как Юри нашел обломок меча, оставленный ему отцом между деревянной колонной и каменной базой⁴². Огромное количество каменных баз найдено по всей территории северной Кореи⁴³.

Дома простолюдинов были крыты соломой, дома знати — черепицей⁴⁴, которую изготовляли по китайским образцам⁴⁵. В «Таншу» впервые сообщается о наличии кана в когурёских жилищах: «...Простолюдины в середине зимы делают длинные нары, отапливаемые для теплоты»⁴⁶. Очевидно, по своему устройству каны в домах когурёсцев более всего напоминают отапливаемые нары, до настоящего времени бытующие у маньчжур и тунгусо-маньчжурских народов Приамурья. В летнее время около домов делали маленькие печи с вмазанным котлом⁴⁷. В домах богатых людей летние печи устраивали под специальными навесами⁴⁸. К числу хозяйственных построек могут быть отнесены склады для хранения продуктов. «Нет у них больших складов, — записано в «Саньгочжи», — а в каждом доме имеются маленькие кладовые, называемые пугён»⁴⁹. Кроме того, как можно судить по росписям гробницы № 3 в уезде Анак, в домах знати строили навесы для хранения повозок и стойла для лошадей⁵⁰.

³⁹ «Бейши», гл. 94, см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 57.

⁴⁰ СКСГ, кн. 13, «Основание Когурё», ч. 1, Основатель — священный ван Тонмён.

⁴¹ Н. Н. Чебоксаров, Северные китайцы и их соседи, докторская дисс., М., 1947, т. I, стр. 122—123.

⁴² СКСГ Ван Юри, 1-й год правления.

⁴³ «Special report of the service of antiquities», т. V, ч. 1, Seoul, 1929, табл. 6—8, 24—32.

⁴⁴ «Таншу», гл. 213, см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 99—100.

⁴⁵ «Special report...», табл. 40—309.

⁴⁶ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 100.

⁴⁷ «Special report...», табл. 428, 429, 430. Форма летней печи, бытовавшей у когурёсцев, до сих пор сохраняется у корейцев. Во время экспедиции к корейцам совхоза «Раушан» (Кара-Калпакская АССР) в 1959 г. мы зафиксировали у них наличие летней печи, повторяющей форму когурёской.

⁴⁸ «Чосон мухва юсан» (Культурное наследие Кореи), Пхеньян, 1956, табл. 2.

⁴⁹ «Саньгочжи», цз. 30, «Описание Когурё», см. «История 24-х династий», т. 4, стр. 409.

⁵⁰ «Фрески гробниц Когурё».

Высокая культура зодчества проявилась как в возведении десятков городов, окруженных массивными стенами и украшенных роскошными дворцами и величественными храмами, так и в создании многочисленных усыпальниц когурёской знати. Сохранившиеся в этих гробницах росписи наряду с данными летописей являются основным источником при изучении одежды когурёсцев.

Костюм когурёсцев на ранних этапах их истории был одинаковым для мужчин и женщин и состоял из длинных узких шаровар — «пачи» и длинной левополой куртки — «чогори», перехваченной в талии поясом. Ворот, полы и подол чогори обычно украшались вышивкой или каймой из ткани другого цвета⁵¹. У Ли Ёсона читаем: «Когурёский костюм самобытен, он состоял из следующих частей: длинное чогори с узкими рукавами надевали поверх пачи. В талии чогори было перехвачено поясом». И далее: «...Одежда периода трех государств представлена следующим комплексом: куртка и брюки. Этот вид одежды соответствовал варварскому костюму северного типа, предохранял от холода и был удобным для трудовой деятельности и борьбы с суровой природой»⁵².

В последующий период под несомненным китайским влиянием в среде когурёской знати мужчины начинают носить широкие халаты типа хвальсупхо, а женщины — запашные юбки, уложенные в мелкую складку. Согласно письменным источникам, когурёсцы носили холщевое, шерстяное, шелковое и меховое одеяние⁵³. Ли Янь-шоу, автор «Северных историй», излагая предание о легендарном основателе Когурё Чумэне, пишет, что когда Чумон подошел к границе Когурё, он встретился с тремя людьми: «Один из них был в пеньковом одеянии, другой — в простеганном, третий в одеянии из водяного пороста». Неоднократно упоминают китайские летописи о том, что когурёсцы вышивали свои одежды золотом и серебром.

Остается сказать несколько слов о средствах передвижения когурёсцев. В горных районах страны большие расстояния преодолевались пешком или верхом на низкорослых лошадях. С продвижением в равнинные районы большое значение приобретают различного рода повозки, в которые впрягали лошадей или быков⁵⁴. Очевидно, широко были распространены двухколесные повозки с четырьмя стенками, удобные для перевозки и пассажиров и грузов, известные в Китае еще с периода Чжоу под названием «цзыпин».

Основу пищи когурёсцев составляли растительные и отчасти животные продукты. Как отмечалось, был известен способ варки риса на пару. Употреблялось в пищу мясо свиней и собак. По сообщениям «Саньгочжи» и «Хоуханьшу», жители Когурё умели готовить и хранить вино.

Перейдем теперь к религии когурёсцев. В первые века нашей эры, т. е. в период распада первобытно-общинного строя, в религии когурёсцев был очень заметен анимистический пласт. Китайские летописи сообщают о жертвоприношениях Небу в 10-м лунном месяце (десятой луне). Для этого «люди страны» сходились на «большое собрание» — «Тонмэн». По мнению древних когурёсцев, жизнь и судьба людей зависели от духов Солнца, Луны и многочисленных звезд, населявших небо. Так, появление планеты Марс около 5-й звезды 28-го созвездия считалось предзнаменованием войны⁵⁵.

Для умиловления «небесных» духов им приносили многочислен-

⁵¹ Ли Ёсон. Чосон мисульса кэё (Очерк истории корейского изобразительного искусства), Пхеньян, 1955, стр. 47.

⁵² Там же, стр. 47.

⁵³ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 51.

⁵⁴ «Чосон мунхва юсан», табл. 7.

⁵⁵ СКСТ, кн. 13, «Основание Когурё», ч. 1, Ван Юри, 14-й год правления, весна.

ные жертвы. Для поклонения духу созвездия Лин-син, от которого якобы зависело успешное земледелие, приносили в жертву быка. К числу жертвенных животных у когурёсцев принадлежала также свинья, которая, очевидно в силу своей плодovitости, считалась символом плодородия.

Особым почитанием у древних когурёсцев пользовались семь звезд Большой Медведицы, изображение которых мы часто встречаем в погребальной живописи⁵⁶. Горы и реки также, по верованиям когурёсцев, были населены духами. Ежегодно в десятой луне когурёсцы приносили жертвы духу пещеры Сухэль, находившейся на востоке. У когурёсцев были деревянные изображения духов, перед которыми совершались жертвоприношения; так, при поклонениях пещере Сухэль деревянное изображение ее духа в сидячем положении помещали на специально установленном дереве⁵⁷. Из деревьев особым почетом пользовались сосна и кипарис, которые сажали около могил⁵⁸.

Для поклонения духам, покровительствовавшим тому или иному селению, строили храмы. В Когурё существовали шаманы, которым могли быть и мужчины и женщины. Одной из главных функций шаманов было лечение больных, в которых, по представлениям когурёсцев, вселялся злой дух. Так, в «Самкук саги» рассказывается о том, что когда «ван» Юри убил двух людей за то, что они погубили свинью, а по том тяжело заболел, лечить его пришла шаманка. Она сказала: «Души Тхакри и Сабии прокляли тебя и наколдовали болезнь». «Ван» приказал устроить им поминки и вскоре выздоровел⁵⁹.

Победа Когурё над соседними племенами нашла отражение в религиозных представлениях, по которым духи, покровительствовавшие когурёсцам, победили духов других племен. В этом отношении очень интересны сообщения «Бэйши» о храмах, построенных в Когурё. Один из храмов был посвящен духу племени Пуё (от которого когурёсцы вели свое происхождение): он был представлен в виде женской статуи, вырезанной из дерева⁶⁰. Другой храм был посвящен духу Кодын, предок которого был сыном духа Пуё. Но особое значение придавалось храму Чумона — легендарного основателя Когурё. Этот общественный храм охраняли особые люди⁶¹.

Формирование государственности в Когурё сопровождалось официальным оформлением культа предков. Известное влияние на этот процесс оказало конфуцианство, которое было заимствовано из Китая вместе с некоторыми внешними формами государственной организации⁶². Начиная с III в. н. э. по всей стране строятся грандиозные усыпальницы с высокими курганами или каменными ступенчатыми пирамидами. Внутренние помещения гробниц покрывались росписью. В тот же период впервые появляется определенная регламентация сроков траура по умершим: по родителям и мужу — в течение трех лет, по братьям — от одного до трех месяцев⁶³.

⁵⁶ Культ семи звезд Большой Медведицы бытовал у корейцев до недавнего времени. Во время работы летом 1959 г. среди корейцев, проживающих в Кара-Калпакской АССР, удалось записать интересную легенду о звездах Большой Медведицы. В ней говорится о том, что «отец дает кость, мать дает кровь, а Большая Медведица — жизнь», поэтому ей приносили жертвы в случае болезни детей или бездетности. До сих пор «семь звезд» вырезаются на погребальной доске.

⁵⁷ «Саньгочжи», из. 30, раздел «Описание Когурё», стр. 409.

⁵⁸ Там же. Обычай почитания дерева, и в частности сосны, сохранялся у корейцев до начала XX в. «Почитают корейцы божество дерева, которому приносят жертвы и поклоняются около Нового года» (В. Серошевский, Корея, СПб., 1909, стр. 62).

⁵⁹ СКСГ, кн. 13, «Основание Когурё», ч. 1, Ван Юри, 19-й год правления.

⁶⁰ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 59.

⁶¹ Там же.

⁶² М. Н. Пак, Развитие феодальных отношений в Корее, «История стран зарубежного востока в средние века», М., 1957, стр. 42.

⁶³ «Бэйши», гл. 94, см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 59.

Проникновение буддизма в Когурё (372 г.) не оказало существенного влияния на религиозные представления когурёсцев. Буддизм не смог вытеснить их древних верований. Так, по-прежнему в десятой луне приносили жертвы Небу, причем ван выполнял при этом основные жреческие функции. Ван участвовал и в церемонии жертвоприношения пещере Сухэль⁶⁴. Наряду со строительством буддийских храмов и пагод большое внимание уделялось возведению зданий для жертвоприношения духам — покровителям Когурё. Это переплетение различных систем верований было подмечено китайцами, которые писали о когурёсцах: «Содержат буддийский закон; поклоняются духам. Много идолопоклоннических храмов»⁶⁵.

По-прежнему большую роль в общественной жизни играли шаманы и шаманки. Косвенным доказательством этого могут служить изображения четырех шаманов во главе войска в росписи гробницы № 3 уезда Анак⁶⁶. В период государства Когурё получили дальнейшее развитие различные астральные верования древнекорейских племен. Жители Когурё молились духу созвездия Лин-син, изображали духов Солнца, Луны, звезд. Буддизм не оказал существенного влияния и на похоронный обряд когурёсцев, в котором представления о культе предков переплелись с анимистическими представлениями о душе человека.

В «Саньгочжи» следующим образом охарактеризован похоронный обряд когурёсцев (I—III вв.): «Как только совершается свадьба, муж и жена уже заблаговременно готовят одеяние, необходимое во время своих похорон. Почитаются богатые похороны, поэтому вместе с покойником отправляют (хоронят) все его золото, серебро и другие ценности. Могилы делают из сложенных камней, а вокруг них сажают сосну и кипарис»⁶⁷. Хотя в первые годы после проникновения буддизма были зафиксированы случаи сожжения умерших, в целом похоронный обряд когурёсцев в V—VI вв. мало отличался от древнего обряда. Вот как он описывается в китайской летописи «Суйшу»: «Покойника облачают в комнате. По прострации трех лет собирают счастливый день для похорон. При похоронах играет музыка, бьют в бубны и пляшут». После погребения собирают «одеяние, разные вещи, даже телеги и лошадей, которых употреблял при жизни покойник, и ставят возле могилы. Провожжающие покойника наперерыв разбирают сии вещи и расходятся»⁶⁸.

* *
*

Попытаемся, исходя из данных письменных источников, определить участие когурёсцев в сложном процессе формирования корейской народности.

В конце XIX в. В. Гриффис писал о миграциях, имевших место в юго-восточной Маньчжурии и Корее в последних веках до н. э.: «Между тем с севера в течение нескольких столетий двигались новые завоеватели: то были рослые, сильные люди монгольского типа, пришедшие

⁶⁴ «Таншу», гл. 94, см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 100.

⁶⁵ «Бэйши», гл. 94, см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 59.

⁶⁶ «Чосон мунхва юсан», табл. 1.

⁶⁷ «Саньгочжи», цз. 30, раздел «Описание Когурё», стр. 409.

⁶⁸ «Суйшу», гл. 81, см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 83. Многие черты похоронного обряда когурёсцев до недавнего времени сохранялись в похоронной церемонии корейцев. К ним относятся: обычай заблаговременного приготовления одежды для похорон, облачение покойника в комнате, долгое сохранение трупа в доме, выборы «счастливого дня», сопровождение похоронной процессии музыкой и танцами. Особый интерес представляет описание в «Суйшу» обычая разбирать вещи покойника всеми сопровождавшими его. Надо думать, что этот обычай является пережитком первобытно-общинных отношений.

с берегов р. Сунгари и основавшие несколько небольших самостоятельных государств к югу от этой реки. Главными основанными ими государствами были Фууй и Когурё⁶⁹. Таким образом, Гриффис отмечает особую роль когурёсцев в социальной истории корейцев и, кроме того, указывает на их отличное от других древнекорейских племен происхождение⁷⁰. В настоящее время противопоставление когурёсцев некоторым другим племенам Корейского полуострова поддерживается Э. В. Шавкуновым⁷¹.

Обратимся к данным письменных источников. По преданиям дун-когурёсцы вели свое происхождение от пуё, этнической группы, которая на рубеже нашей эры жила в верховьях р. Сунгари. Язык, законы и обычаи когурёсцев и пуёсцев были во многом сходны. О близком родстве пуёсцев и когурёсцев свидетельствует однотипность легенд об основателях этих «государств»: Тонмёне — «основателе» Пуё и Чумоне — «основателе» Когурё. В этих легендах есть и чудесное оплодотворение матери солнечным лучом или спустившимся с неба облаком или яйцом, и покровительство животных (свиней, лошадей) и птиц родившемуся младенцу, и быстрый рост героя, и его отличие от окружающих людей, и бегство из страны, в которой он вырос, и переправа через реку с помощью рыб и черепах. Почти полное совпадение легенд о Тонмёне и Чумоне позднее привело к слиянию их в один образ. В XII в. Ким Бусик писал в «Самкук саги», что основатель Когурё, священный «ван» Тонмён, имел фамилию Ко, а посмертное имя Чумон.

Историк XVIII в. Хан Чхюн, пытаясь доказать, что Тонмён и Чумон — разные лица, писал, что Ким Бусик «положил начало соединению Тонмёна и Чумона в одно лицо. Корейцы больше не знают о существовании Тонмёна Пуёского. В Лянской истории говорится: «Тонмён стал королем в Пуё, затем ветвь разделилась и возникло племя Когурё». При короле Сон Чжоне нашей династии (династия Ли. — Р. Д.) экзаменуемый профессор Ким Чонрён написал такие стихи: „Тонмён открыл блестящую страницу, Чумон получил остаток его волны“. Это мнение ясное и точное»⁷². Для нас в данном случае важно установить, что хотя вне всякого сомнения легенда о Чумоне появилась позднее легенды о Тонмёне, в основе обеих лежит присущее и пуё и когурё представление об общем божественном предке.

Письменные источники содержат также значительный материал, доказывающий лингвистическое и культурное родство когурёсцев с другими древнекорейскими племенами. Так, о племени «е», которое в первых веках нашей эры жило в центральной части Корейского полуострова, в «Саньгочжи» сказано: «...По рассказам стариков, они (люди е) в старину были одного племени (родственны) с (ко) гурё... Язык и обычаи у них в общем сходны с когурёскими, но имеются отличия в одежде»⁷³. У племени окчо «язык во многом одинаков с (ко) гурёским, но временами наблюдаются небольшие отличия..., пища, жилье, одежда и обычаи сходны с когурёскими»⁷⁴.

Но если вопрос о родстве когурёсцев с северными древнекорейскими племенами не вызывал сомнения у исследователей, то относительно племен южной Кореи было высказано много точек зрения. Н. Я. Бичурин писал, что на юге Кореи находились три владения Хан, «основа-

⁶⁹ W. E. Griffis, Указ. раб., стр. 19, 20, 23.

⁷⁰ К точке зрения Гриффиса присоединились авторы «Описания Кореи» (см. стр. 4—5).

⁷¹ Э. В. Шавкунов, Некоторые вопросы истории Приморья и Приамурья в VI—XII вв., «Сборник статей по истории Дальнего Востока», М., 1958, стр. 152.

⁷² Хан Чхюн, Указ. раб., т. II, стр. 108.

⁷³ «Саньгочжи», цз. 30, раздел «Описание е», русский перевод М. Н. Пака, рукопись, стр. 23.

⁷⁴ Там же, стр. 17, 19.

ные и населенные, вероятно, китайскими выходцами второго переселения»⁷⁵. Совсем недавно это положение было повторено Э. В. Шавкуновым: «Население древнекорейских государств Силла и Пэкче в значительной степени состояло из потомков китайских крестьян, бежавших в III в. до н. э. на Корейский полуостров, где они искали спасения от непосильных налогов и частых войн, вконец разоривших страну при цинских императорах»⁷⁶. Э. В. Шавкунов ссылается на указания «Ляншу» о наличии китайских слов в языке силланцев. Согласно «Сань-гочжи» и «Хоуханьшу», на юге Корейского полуострова жили махан, чинхан и пёнхан. Это были родственные между собой этнические группы. Жили среди них и выходцы с территории Китая. Вот что о них пишет Фань Е, автор «Хоуханьшу»: «Ченьханьские старики сами сказывают, что жители царства Цинь «китайцы», уклоняясь от горькой службы, приходили в Хань. Маханьцы отделили им часть своих земель»⁷⁷. Из этого сообщения следует, что беглые «китайцы» были приняты в состав маханцев, которые отделили им часть своих земель. Вряд ли в этих беглых крестьянах можно видеть предков «населения государств Силла и Пэкче».

В 1895 г. английским ученым Хелбертом было высказано предположение, что хан родственны малайцам и пришли с юга. По его мнению, между северными и южными племенами Кореи не только не существовало никакого родства, но даже не было никаких сношений⁷⁸. Позднее точка зрения Хелберта была принята авторами книги «Описание Кореи»⁷⁹. На наш взгляд следует более критически подойти к вопросу о различных путях происхождения корейских племен.

Нет сомнения, что северные племена Кореи находились в тесном контакте со своими соседями и восприняли многое из их культуры, оказав в свою очередь влияние на них, а южные племена находились в тесном контакте со своими южными соседями. Вполне вероятно, что среди древнекорейских племен жили какие-то другие этнические группы, позднее ассимилированные пэкчесцами и силланцами. Большую роль на ранних этапах формирования древнекорейских племен играли переселения этнических групп с территории Китая. Это подтверждается сообщениями китайских летописей о наличии китайских слов в языке населения Пэкче и Силла. Передвижения «китайцев» на территорию Корейского полуострова происходили несколькими волнами, в разные периоды истории, с разных территорий Китая, разными путями (сухопутным через Ляодун и морским). Возможно, что это были даже различные этнические группы. Поселившись на территории Кореи, они сначала жили обособленно, сохраняли свой язык, свои обычаи. Со временем они ассимилировались силланцами пэкчесцами, восприняв их язык, но обогатив его частично своей лексикой.

Но все эти, в конечном счете незначительные, этнические вкрапления не могли оказать существенного влияния на этнический состав древнекорейских племен, в основных чертах однородных. Н. В. Кюннер, не отрицавший возможности участия каких-то других этнических групп в формировании населения южной Кореи, отмечал, однако, что кажущаяся различие между северными и южными племенами Кореи вызвано разным уровнем их социально-экономического развития к началу нашей эры⁸⁰. В связи с этим очень интересна и важна высказанная М. Г. Ле-

⁷⁵ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 8.

⁷⁶ Э. В. Шавкунов, Указ. раб., стр. 153.

⁷⁷ Фань Е, Хоуханьшу, цз. 115. Восточные варвары, Хань, см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 33.

⁷⁸ Эту точку зрения отстаивал Хелберт в работе «The passing of Corea», London, 1906, стр. 27—29.

⁷⁹ «Описание Кореи», т. I, стр. 336.

⁸⁰ Н. В. Кюннер, История Кореи (рукопись, хранится в архиве Института этнографии АН СССР). 1936, стр. 1—4

виным мысль о необоснованном преувеличении гетерогенности антропологического типа корейцев. Сравнивая данные японских антропологов Кохама, Сато, Арасэ и Кубо, М. Г. Левин приходит к выводу, что «имеющиеся в литературе антропологические материалы не позволяют установить ясных географических вариаций отдельных признаков в пределах Кореи, и представление о существенных различиях в антропологическом типе северных и южных корейцев нуждается в проверке»⁸¹.

Можно с полным основанием утверждать, что хозяйственно-культурное единство древнекорейских племен сложилось уже к середине I тысячелетия до н. э. Основными чертами этого единства были: огромная роль земледелия, знакомство с металлом, высокая культура керамического производства, бытование охоты и коневодство. Именно эту культуру принесли в середине I тысячелетия до н. э. на Японские острова переселенцы из Кореи, сыгравшие огромную роль в этногенезе древних японцев. Кроме того, соображения С. А. Арутюнова относительно близкого этнического и языкового родства древних корейцев с носителями культуры «яёи», переселившимися в середине I тысячелетия до н. э. на Японские острова, свидетельствуют о том, что уже в этот период племена, населявшие Корейский полуостров, говорили на родственных языках, близких к современному корейскому⁸².

Китайская летопись «Наньши» сообщила о родстве языков населения Когурё, Пэкче и Силла в более поздний период. В разделе о Пэкче в «Наньши» говорится: «Язык и одеяние несколько сходны с когурёскими»⁸³, а о силланцах сообщается, что «язык их можно понимать с помощью языка, употребляемого в Пэкче»⁸⁴. Попутно можно отметить, что правители Пэкче вели свою родословную от одного из потомков пусского вана Тонмёна. Родство с пусцами отразилось в названии столицы Пэкче — Пуё. В многочисленных посланиях ванов Пэкче ко двору китайских императоров неоднократно подчеркивалось единство происхождения когурё и пэкче. Что касается силланцев, то, согласно «Самкук саги», шесть легендарных общин Сораболь вели свое происхождение из Чосона⁸⁵, в этническом составе которого когурёцы занимали не последнее место. «Самкук саги» сообщает также о неоднократных поездках силланских ванов к горе Тхэбэксан, расположенной в районе древнего расселения когурёсцев, для поклонения и жертвоприношений ей⁸⁶.

Этническое и лингвистическое родство когурёсцев с другими древнекорейскими племенами может служить основанием для предположения об общности их происхождения. Изучение хозяйства, материальной и духовной культуры когурёсцев свидетельствует об их древних родственных связях с тунгусо-маньчжурскими народами⁸⁷. Так, не случайно описание «ымну» (илоу), в которых многие исследователи

⁸¹ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXXVI, М., 1958, стр. 308, 315.

⁸² С. А. Арутюнов, Указ. раб., стр. 60—71.

⁸³ «Наньши», гл. 79, см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 41.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Ким Бусик, Самкук саги, стр. 71.

⁸⁶ Там же, стр. 89, 105.

⁸⁷ Вопрос об этнической принадлежности когурёсцев имеет свою историю. В середине прошлого столетия Н. Я. Бичурин писал о том, что население «королевства Чаосянь» принадлежит к южным тунгусам (Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 7). К тунгусским народам относили когурёсцев и авторы трехтомного сочинения «Описание Кореи» (т. II, стр. 336). Эту же точку зрения разделял Н. В. Кюнер. Недавно с доказательствами родства когурёсцев и тунгусо-маньчжурских народов выступил Э. В. Шавкунов в указанной выше статье. Согласно другой гипотезе, выдвинутой в 1920-х годах П. Шмидтом, когурёсцы принадлежали к палеоазиатам (Письмо П. Шмидта И. Лопатину, см. И. Лопатин, Гольды, Владивосток. 1922, стр. 19—20).

зидят предков маньчжур, помещено в китайских летописях «Саньгочжи» и «Хоуханьшу» среди разделов, посвященных характеристике древнекорейских племен. С глубокой древности древнекорейским племенам был известен термин мальгаль (мохэ), который первоначально означал одну из групп племени е — «восточных е», населявших территорию современной провинции Хамген⁸⁸. Все маньчжурские народы, начиная с мохэ, считали район Тхэбэксана (Чанбошаня) — район древнего расселения когурёсцев — своей прародиной.

Среди родовых групп нанайцев XVII—XX вв. была группа «соянкан», которая вела свое происхождение от маньчжурских родов. Название этой группы созвучно с названием рода Сомян, который жил по соседству с когурёсцами и согласно «Самкук саги» был ими покорен в 37—36 гг. до н. э. В преданиях о нанайской группе соянкан и древнекорейском роде Сомян отмечается, что основным занятием людей, принадлежавших к этим группам, было возделывание огородных культур⁸⁹.

У нивхов⁹⁰ и удэгейцев⁹¹ записаны легенды о «гаоли» (корейцах), как о древних обитателях районов Приамурья и Приморья. Конечно, трудно себе представить, что корейцы когда-либо жили в этих районах. Но, с другой стороны, никогда в последующий период корейской истории границы корейских государств не заходили так далеко на север, как в период государства Когурё. Думается, что эти легенды отражают эпоху тесного контактирования когурёсцев с предками тунгусо-маньчжур и палеоазиатов, которые жили значительно южнее нынешнего ареала расселения этих народов.

В материальной и духовной культуре тунгусо-маньчжурских народов Приамурья и Приморья и ныне сохраняется много черт культуры когурёсцев. К их числу, например, относятся: в области жилища — устройство канов в виде идущих вдоль стены нар; в одежде — шаманский костюм; в религии — представление о дереве духов и почитание отдельных видов птиц и животных.

Все эти факты, перечень которых можно было бы продолжить, свидетельствуют об общности происхождения когурёсцев и тунгусо-маньчжурских народов.

* *
*

В силу своего географического положения когурёсцы ранее других древнекорейских племен оказались втянутыми в отношения с соседними странами. Близость феодального Китая оказала решающее воздействие на интенсивность социально-экономических процессов в их обществе. К моменту своего появления в горах северной Кореи когурёсцы находились на стадии разложения первобытно-общинного строя. Отставая в своем развитии от пуёсцев, когурёсцы были более развитыми, чем другие племена Кореи. Анализ письменных источников позволяет говорить о существовании у когурёсцев в первых веках н. э. значительных пережитков родоплеменной организации. К их числу

⁸⁸ Ким Бусик, Самкук саги, т. 1, М., 1959, стр. 304.

⁸⁹ О нанайской группе соянкан см. Ю. В. Сем, Родовая организация нанайцев XVII—XX вв., Кандидатская диссертация (рукопись), Владивосток, 1959, стр. 113. О древнекорейском роде Сомян см. «Самкук саги», кн. 13, «Основание Когурё», ч. 1, Ван Тонмён, 1-й и 2-й годы правления. Этноним соян (в различных фонетических вариантах) зафиксирован у тувинцев, алтайцев, хакасов, киргизов, халха-монголов. (См. С. И. Вайнштейн, Род и кочевая община у восточных тувинцев, «Сов. этнография», 1959, № 6, стр. 81).

⁹⁰ Л. Я. Штернберг, Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, «Статьи и материалы», Хабаровск, 1933, стр. 295.

⁹¹ В. Г. Ларькин, Удэгейцы (Историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней). Кандидатская диссертация, Владивосток — Москва, 1959, стр. 15.

относятся упоминания о наличии пяти племен, сообщения об избрании и свержении «ванов» народом, о существовании «сога» и «тэга» (очевидно, родовых и племенных вождей), о наличии «вооруженного народа» и пережитках группового брака⁹².

В ходе многочисленных войн с соседними племенами и обитателями китайских провинций на территории древнего Чосона в когурёском обществе шел бурный рост имущественного неравенства, сопровождавшийся классовой борьбой. Захват когурёцами огромных территорий и их переселение на равнины Чхончонгана, а затем Тэдонгана, вели к нарушению родовых связей и замене их территориальными. В хозяйственной и общественной жизни все большую роль стала играть семья — одной из форм которой, очевидно, были так называемые «хахо» («нижние дворы»).

Конец IV в. был временем оформления и создания когурёского государства, во главе которого стояли ван и военачинная знать, делившаяся в зависимости от занимаемой должности на 12 разрядов.

Государство Когурё было первым политическим объединением древнекорейских племен, а его история оказала огромное влияние на весь ход событий, протекавших на Дальнем Востоке. В этот период в Когурё утвердились феодальные общественные отношения. Развитие феодализма становится основным содержанием социально-экономической истории корейского народа вплоть до XIX в.

Созданием государства Когурё завершился длившийся несколько столетий процесс консолидации родственных северокорейских племен под эгидой когурёсцев; произошел окончательный разгром ханьских провинций, созданных на территории древнего Чосона.

Политическое могущество Когурё в IV—VII вв. н. э. сопровождалось расцветом его культуры. Несомненно, знакомство предков корейцев с китайской письменностью можно отнести еще к периоду древнего Чосона. Однако в Когурё письменностью овладели более широкие круги населения. Об этом свидетельствуют многочисленные надписи в рописях гробниц и на бытовой утвари. В «Самжук саги» сохранилось несколько поэтических строк, сложение которых легенда приписывает «вану» Юри; эти строки доказывают раннее знакомство когурёсцев с ханьскими стихами⁹³.

Для подготовки государственных чиновников в Когурё было создано специальное учебное заведение. В «Таншу» сообщается о том, что делу образования в Когурё уделялось большое внимание. «Имеющие охоту к учению, даже из самых бедных хижин, соревнуются друг с другом на улице теснятся к зданию, что называется стучаться, т. е. проситься в залу. Юноши, еще не женатые, собираются читать священные книги (т. е. китайские, классические), стрелять из лука»⁹⁴.

В конце IV в. в Когурё стали создаваться исторические хроники. Согласно «Таншу», в Когурё знали и изучали пять китайских классических книг, а также «Хоуханьшу», «Саньгочжи» и др. Примером народного творчества могут служить многочисленные легенды-сказы первых «ванов», записанные в корейских и китайских летописях.

Значительного развития в Когурё достигла музыкальная культура. Музыка, танцы, игры, песни играли большую роль в жизни когурёсцев. Об этом свидетельствуют многочисленные изображения танцев, а также музыкальных инструментов в живописи древнекогурёских гробниц.

⁹² Вопрос о социально-экономическом строе когурёсцев в первые века нашей эры о времени возникновения государства Когурё и о социально-экономической сущности этого государства требует более детального разбора, что автор надеется сделать в отдельной статье.

⁹³ СКСГ, кн. 13, «Основание Когурё», ч. I, Ван Юри, 3-й год правления, зимы 10-й месяц.

⁹⁴ «Таншу», гл. 219, см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 100.

В Когурё было много знаменитых музыкантов. В «Самжук саги» рассказывается об одном из них, Ван Санакэ — создателе музыкального инструмента «комунго»⁹⁵. Судя по письменным источникам, в Когурё существовало около 38 видов музыкальных инструментов. В начале VII в. широкое распространение имело около 25 мелодий, созданных музыкантами Когурё. Многие из них пользовались известностью в Китае⁹⁶. Древние когурёсцы наделяли некоторые инструменты и даже их изображения сверхъестественной силой и способностью влиять на судьбы людей. Считалось, что рог или барабан, изображенные на стене, могут предупредить о приближающейся опасности. На этом построена легенда о принце Когурё Ходоне, сыне вана Синму, и о его возлюбленной, дочери правителя Накнана⁹⁷. В Когурё был создан первый в истории Кореи кукольный театр, в котором «куклы танцевали под музыку». Блестящую страницу в историю корейского и дальневосточного искусства вписали художники и архитекторы Когурё, о творчестве которых мы можем судить благодаря раскопкам гробниц когурёской знати и сообщениям письменных источников.

Созданная когурёсцами культура сыграла решающую роль в формировании своеобразной культуры корейской нации.

Когурёская держава пала под ударами танского Китая в 668 г. Однако память о ней сохранилась на протяжении веков. Не случайно пришедшая через три столетия на смену Силла династия Корё повторила в своем названии один из этнонимов когурё, утверждая тем самым себя наследником традиций государства Когурё.

SUMMARY

The Kokuryo people are one of the oldest ethnic groups in southeastern Manchuria and north Korea. The first detailed description of the Kokuryo people occurs in the Chinese chronicles «San Kuo-chih» and «Hou Han-shu». The history of that people is dealt with in the ten books of Kim Busik's chronicle «Samkuk sagi».

An analysis of written sources, coupled with archeological findings, shows that the economy of the Kokuryo people had several branches. In addition to agriculture and cattle breeding there persisted such subsidiary branches as hunting, fishing and gathering. The multiformity of the Kokuryo people's economy was reflected in their material culture. The formation of certain aspects of material culture was to a certain degree affected by the proximity of China (dwellings, apparel, means of transportation).

From the point of view of their religious outlook the Kokuryo people were shamanists. The penetration of Buddhism (in 372) could not conclusively eliminate that religion.

Ethnographic studies of the Kokuryo people reveal their consanguineous ties with other ancient Korean tribes, and testify to their common origin. Studies of the economy, material and spiritual culture of the Kokuryo people point to their connections with the Tungus-Manchu peoples.

By virtue of their geographical location the Kokuryo people were the first among the ancient Korean tribes to be drawn into contact with the neighbouring countries. The proximity of feudal China was a decisive factor promoting the intensive development of socio-economic processes in Kokuryo society. The 3rd and 4th centuries saw the emergence of the Kokuryo state. The political strength of the state was accompanied by the efflorescence of its culture.

⁹⁵ СКСГ, кн. 32, «Описания», ч. 1, Музыка.

⁹⁶ Ли Есон, Указ. раб., стр. 48.

⁹⁷ СКСГ, кн. 14, «Описание Когурё», ч. 2, Ван Тэмусин, 15-й год правления.